

ТЭФФИ

Ведьма

Надежда Тэффи ЗабЫТЫЙ путь

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=172670*

Ведьма: Эксмо; М.; 2007

ISBN 5-699-20104-4

Содержание

***

4

Надежда Тэффи

ЗАБЫТЫЙ ПУТЬ

* * *

Софья Ивановна подобрала платье и с новой энергией стала взбираться на насыпь. Каблуки скользили по траве, шляпа лезла на глаза, зонтик валился из рук. Наверху стоял железнодорожный сторож и развлекался, глядя на страдания молодой туристки. Каждый раз, поднимая глаза, встречалась Софья Ивановна с его равнодушно-любопытным взглядом и чувствовала, как взгляд этот парализует ее силы. Но все равно – отступить было поздно; большая часть пути пройдена, да и стоит ли обращать внимание на мужика, «qui ne comprend rien»¹, как говорилось в пансионе, где три года тому назад окончила она свое образование. Жаркое июльское солнце палило немилосердно. Софья Ивановна остановилась на минуту перевести дух и вытянула из-за пояса часики: уже четверть первого. К пяти вернется муж, а у нее еще и обед не заказан! Опять будет история! Она с грустью посмотрела на оборванное кружево юбки, тянувшееся за ней по траве, как большая раздавленная змея, и, вздохнув, собралась идти дальше, но при первом же ее движении свернутый зон-

---

¹ Который ничего не понимает (*фр.*).

тик, выскочив из рук, плавно пополз вниз по насыпи, пока не остановился, упершись в какую-то кочку. Софья Ивановна в отчаянии всплеснула руками. Ничего не поделаешь, нужно теперь вернуться за зонтиком!.. Однако спускаться оказалось еще труднее, чем подыматься; не успела она сделать и двух шагов, как потеряла равновесие и опустилась на траву. Зонтик был уже близко. Она попробовала достать его ногой, потянулась еще немножко вниз... «Ах!» – едва дотронулась кончиком башмака, как зонтик вздрогнул и, весело подпрыгивая, поскакал дальше. Софья Ивановна с ожесточением перевернулась лицом к траве и попыталась ползти на четвереньках.

Увидя этот новый способ передвижения, сторож вдруг исчез и вернулся через минуту с какой-то толстой бабой; оба нагнулись и молча, с тупым любопытством смотрели на Софью Ивановну; затем баба обернулась назад и стала манить к себе кого-то рукой...

Это уж чересчур! Быть посмешищем целой банды бездельников. Слезы выступили на глазах Софьи Ивановны.

Красная, растрепанная, злая, уселась она насколько могла удобнее и решила ждать.

«Ведь есть же у него какое-нибудь дело, – думала она, – не может же он весь день тут стоять. Увидит, что я сижу спокойно, и уйдет».

И она, приняв самую непринужденную позу, делала вид, что превосходно проводит время; любовалась природой,

рвала одуванчики и даже стала напевать «Уста мои молчат». Через несколько минут, осторожно, скосив глаза, она взглянула наверх – «Нахал!».

Сторож не верил ее беззаботности и продолжал стоять все на том же месте, словно ожидая от нее чего-то особенного.

Напускная бодрость покинула Софью Ивановну. Она при-
смирела, закрыла лицо руками и стала нетерпеливо ждать.

– Божественная!.. – долетел до нее тягучий голос.

– Ах, нахал! – вздрогнула от негодования Софья Ивановна. – Он смеет еще заговаривать!

– Божественная! Я чувствовал ваше присутствие здесь... Меня влекло сюда!..

Нет, это не он – голос снизу. Софья Ивановна опустила руки: «Господи! Только этого не хватало! Опять проклятый декадент! Опять сцена от Петьки!»

Грациозно откинув длинноволосую голову, держа шляпу в горизонтально вытянутой руке, стоял у подножия насыпи маленький худощавый господин в клетчатом костюме, с развевающимися концами странного зеленого галстука, и не смотрел, а созерцал растерявшуюся Софью Ивановну.

– Я помешал вам мечтать, – загнусавил он снова. – Я поднимусь к вам! Мне так хочется подслушать ваши грезы!..

И, не дождавшись ответа, он взмахнул руками, с видом птицы, собравшейся взлететь, и стал быстро подниматься.

«Вот ведь влезают же люди, – с горечью думала Софья Ивановна, глядя на него, – почему же я такая несчастная!»

– У ваших ног лежат, синьора, И я, и жизнь, и честь, и меч! – продекламировал декадент, садясь у ее ног и восторженно глядя на нее белесоватыми глазками.

– Это ваше?

– Мм... Почти.

– Что это значит: «почти»?

– Значит, что это стихотворение Толстого, но я его переврал, – мечтательно отвечал тот. – О, как я рад, что мы снова вместе!.. Я хотел так много, так бесконечно много сказать вам...

– Очень приятно, только я тороплюсь домой.

– Странная манера торопиться, сидя на одном месте. И зачем вам домой?

– К пяти часам вернется Петр Игнатьевич...

– Кто вернется?

– Петр Игнатьевич.

– Петр Игнатьевич? – Декадент презрительно прищурил глаза. – Кто это такой, этот Петр Игнатьевич?

– Как кто? – обиженно удивилась Софья Ивановна. – Мой муж! Странно, что вы две недели тому назад были у нас в доме и не знаете, как зовут хозяина.

– Простите!.. Я рассеян... Я страдал... Но мы не будем говорить об этом, не спрашивайте меня, я не хочу – слышите? – Он повелительно сдвинул брови и замолк на несколько минут, потом, видя, что Софья Ивановна все-таки не начинает спрашивать «об этом», сказал тоном человека, ис-

кусственно меняющего тему разговора: – Итак... где же ваш муж?

– Он уехал с восьмичасовым в Контики; там сортируют вагоны или что-то в этом роде, не умею вам объяснить. А теперь помогите мне, ради бога, слезть отсюда, – прибавила она смущенно. – Я оттого и сижу здесь так долго, что никак не могу одна...

Декадент пришел в восторженное умиление.

– О! Как это женственно! Беспомощно-женственно. Дайте мне ваши руки, я донесу вас.

– Я не могу вам дать руки, потому что наступлю тогда на платье и упаду, – понимаете?

– Платье можно подколоть булавками. – И, к великому удивлению Софьи Ивановны, он, отвернув бортик своего клетчатого пиджака, вытащил несколько булавок, воткнувших в него.

– Какой вы странный! Зачем вы носите с собой булавки?

– Не спрашивайте... Это символ!..

Наконец платье подколото, декадент с безумным видом, схватив ее за обе руки и выставив вперед каблучок своего желтенького башмачка, поскакал вниз. Софья Ивановна спотыкалась, падала, подымалась, отбивалась, вырывалась, – но он крепко впился в ее руки и выпустил их только тогда, когда она, испуганная и запыхавшаяся, стояла внизу и, не смея поднять голову, думала о стороже: «Видел или не видел?..»

– Какое блаженство, – шептал декадент, с трудом перево-

дя дыхание и утирая лоб платком, – какое блаженство этот бешеный полет! Но скажите, как вы сюда попали? – прибавил он, подавая ей зонтик.

– Я думала, что скорее попаду домой, если пойду верхом. Я ходила в деревню узнать насчет телятины.

– Как вы сказали?

– Что как сказала?..

– Вы произнесли какое-то слово... – Он, мечтательно сощурился, глядел на облако.

– Я сказала, что ходила за телятиной... Какой вы странный!

– Простите! Мне послышалось, что вы сказали что-то по-итальянски. Те-ля-ти-на... Те-ля-ти-на... – прошептал он.

– Хорошо же вы, должно быть, знаете итальянский язык...

– Я не могу знать его плохо. Понимаете? Не могу знать его плохо, потому что не знаю совсем.

Софья Ивановна замолчала и стала придумывать, как бы ей поделикатнее отвязаться от своего спутника. Ей очень не хотелось, чтобы их увидели вместе, так как бедный декадент был почему-то особенно несимпатичен ее ревнивому мужу. Петр Игнатьевич не ответил ему на визит и, когда встретил его с Софьей Ивановной на музыке в городском саду, немедленно увел жену домой и закатил ей сцену, какой, как говорится, и «старожилы не запомнят». После этой истории Софья Ивановна старательно избегала опасного поэта, терпеливо ожидая осени, когда он уберется к себе в Петербург.

Мужа, положим, теперь на станции нет – он в Контиках, но все равно, ему насплетничают... А с другой стороны, нельзя же его прогнать сразу – все-таки человек услугу оказал. А и некрасив же он, голубчик, взглянула она искоса. Петух не петух... черт знает что!..

– Я знаю, о чем вы сейчас подумали, – прервал он ее мысли.

– О чем? – испугалась Софья Ивановна.

– Вы подумали о том, что жизнь наша бесцветна и тосклива... Зачем вы здесь живете? Разве вы не чувствуете, что созданы блистать в свете? – Софья Ивановна успокоилась.

– Действительно, скучно, но мужу обещали скоро большую станцию. Тогда будет веселее.

– Вы постоянно сводите разговор на мужа: это прямо какой-то «незримый червь»!

Софья Ивановна хотела обидеться, но мелькнувший вдали красный зонтик отвлек ее внимание.

– Ой, ой, ой! Ведь это Курина!.. Жена помощника! – Она стала торопливо приглаживать волосы, оправлять платье... – Ведь нужно же, как на грех... мерзкая сплетница! Перейдемте скорее на ту сторону полотна, на запасный путь, пока она нас не заметила.

Они быстро свернули налево и, перепрыгнув через проволоку семафора, приблизились к длинным рядам товарных вагонов, бесконечной цепью тянувшихся к станции, темная крыша которой выделялась тусклым пятном на сверкающей

синеве южного неба.

– Скорей! Скорей! – торопила Софья Ивановна. – На крайний путь; там никого не встретим.

Тяжело гремя спущенными цепями, прошел мимо паровоз, обдав их целым клубом затхлого дыма, и, тревожно свистнув несколько раз, остановился. Стрелочник, помахивая красным флагом, вылез из-под вагона и, скосив глаза на Софью Ивановну, затрубил в рожок.

«Должно быть, он знает, кто я», – подумала Софья Ивановна и, как страус, втянула голову в плечи, закрываясь зонтиком.

Они обогнули первый ряд вагонов, пролезли между колесами второго, кое-как протискались между расцепленными буферами третьего и тут только вздохнули свободно, чувствуя себя в безопасности. Здесь не было ни души. Издали доносилась переключка локомотивов да отвечающий им меланхолический рожок стрелочника. Порой, далеко за крышами вагонов, быстро проносилось гигантское облако белого пара, протяжный свист разрезал воздух, затем опять все стихало. Да, здесь никто не видит. Кругом одни вагоны.

Софья Ивановна обмахивалась платком, сдувая падавшие на глаза растрепанные волосы.

– Так вот этот забытый путь! – говорил декадент, глядя на поросшие травой рельсы, уставленные товарными вагонами, с открытыми, зияющими, как черные пасти, входами, с беспомощно повисшими цепями. – Забытый путь! Как это кра-

сиво звучит! В этом слове целая поэма.

Забытый путь!.. Я чувствую какое-то странное волнение, повторяя это слово... Я вдохновляюсь!.. – Он зажмурился, втянул щеки и открыл рот, как дети, когда они представляют покойника.

– Скажи когда-нибудь «забудь». Но никогда тебя я не забуду, Забытый путь!..

Он медленно открыл глаза.

– Я разработаю это в поэму и посвящу вам.

– Мерси. Только рифмы у вас не хватает.

– Так вам нужна рифма? О! Как это банально! Вам нравятся рифмы! Эти пошлые мешанки, ищущие себе подобных, гуляющие попарно. Я ненавижу их! Я заключаю свободную мысль в свободные формы, без граней, без мерок, без...

– Ах, боже мой!.. Смотрите, там идут! – прервала его Софья Ивановна, указывая на группу рабочих, шедших в их сторону. – И, кажется, Петин помощник с ними!.. Куда нам деться?!

– Спрячемся в пустой вагон и обождем, пока они уберутся, – предложил находчивый поэт.

– Я его не боюсь, – продолжала Софья Ивановна, топчась в волнении на одном месте, – только я такая растрепанная... и не могу же я ему объяснить при рабочих, что лезла на насыпь... Господи! Как это все глупо!

– Серьезно, самое лучшее – переждать в вагоне.

– Да как же я туда попаду? Тут и подножки нет.

– Позвольте, я подсажу вас. Только поторопитесь, а то они нас заметят.

Софья Ивановна кое-как влезла, оборвав окончательно кружевную оборку и запачкав платье обо что-то очень скверное. За нею следом вскочил и декадент, обнаружив необычайную ловкость и розовые чулочки с голубыми крапинками.

– Теперь встанем в тот угол. У, как здесь темно и прохладно. Все это напоминает мне милую, старую сказку... И жутко... и сладко.

– Ах, да замолчите же, они сейчас подойдут, – просила Софья Ивановна.

– Забытый путь! – не унимался декадент. – Но никогда тебя он не забудет. Забытый путь!

Он вдруг замолк, прижав палец к губам и таинственно приподняв брови. К вагону подходили: слышались шаги, голоса... Остановились около...

– Этот последний вагон, что ли?

«Помощник! Петин помощник! – думала Софья Ивановна, замирая от страха. – Господи! Как все это глупо! Зачем я сюда залезла!.. Ведь это совсем скандал, если нас увидят!»

– Отцепили? – спросил тот же голос.

– Го-то-во! – прокричал кто-то.

Дверь вагона,двигаемая чьей-то рукой, с грохотом захлопнулась... Тихо простонал рожок стрелочника, где-то недалеко отозвался свистком паровоз, и вдруг вагон, дрог-

нув, как от сильного толчка, весь заколыхался и, тихо покачиваясь, мерно застучал колесами.

– Господи, боже мой!.. Да что же это?.. – шептала Софья Ивановна. – Они, кажется, повезли нас куда-то?

– Да, мы как будто едем, – растерянно согласился поэт.

– Вероятно, наш вагон переводят на другой путь...

– Уж это вам лучше знать. Вы жена начальника станции, а я не обязан понимать этих маневров.

– Не злитесь, сейчас остановимся и вылезем, когда рабочие уйдут.

– И какая атмосфера ужасная! Грязь! Какие-то корки валяются, даже присесть некуда.

– Здесь, должно быть, перевозили собак!..

Колеса застучали ровнее и шибче, очевидно, поезд прибавлял ходу.

– Не могу понять, в какую сторону мы едем: к Лычевке или Контикам? – Голос Софьи Ивановны дрожал.

– Я сам не понимаю. Попробую немножко открыть дверь.

– Напрасно! Я слышала, как задвинули засов. – Декадент схватился за голову.

– Это, наконец, черт знает что такое! Нет! Я узнаю, куда они меня везут! – Он вынул из кармана перочинный ножик и стал сверлить в стене дырочку, но дерево было твердое и толстое, и попытка не дала никаких результатов. Тогда он присел и стал буравить пол. Тоже пользы мало. Он кинулся к стене и принялся за нее с другого конца.

– Ах! Да полно вам! – злилась Софья Ивановна. – Ну, что вы глупости делаете!.. Только раздражаете!

– Так это вас раздражает?! Благодарю покорно! – вскинулся на нее поэт. – Человек впутался из-за вас в глупейшую историю, а вы же еще и раздражаетесь.

– Как из-за меня? – возмутилась Софья Ивановна. – Кто посоветовал залезть в вагон? Я бы сама никогда такой глупости не придумала... идиотства такого...

– Вы, кажется, желаете ругаться? Предупреждаю вас, что совершенно не способен поддерживать разговор в таком тоне.

– А, тем лучше! Не желаю вовсе разговаривать с вами...

– Прекрасно! – Декадент помолчал минуту и затем стал обращаться непосредственно к богу: – Господи! – восклицал он, хватаясь за голову. – За что? За что мне такая пытка?! Разве я сделал что-нибудь дурное?

Софья Ивановна тихо стонала в своем углу.

– За что наказуеши? – взвыл декадент, решив, что к богу удобнее адресоваться по-славянски. – Наказуеши за что?!

Душно было в полутемном вагоне. Через пробитое под самой крышей маленькое окошечко, вернее, отдушину, слабо мерцал дневной свет, озаряя невеселую картину: Софья Ивановна, в позе самого безнадежного отчаяния, поникнув головой, беспомощно опустив руки, прижалась в уголок, с ненавистью следя за своим спутником.

Декадент метался, упрекал бога и сверлил вагон перочин-

НЫМ НОЖИЧКОМ.

А поезд все мчался, все прибавлял ходу, весело гремя цепями, соединяющими звенья его гигантского тела, и не чувствовал, какая страшная драма разыгрывается в самых недрах его. Но вот колеса застучали глуше, толчки сделались сильнее и реже. Софья Ивановна заметила, как мимо окошечка проплыла большая розовая стена: подходили к станции. Загудел свисток паровоза; еще несколько толчков, и поезд остановился.

Софья Ивановна подошла к двери и стала прислушиваться. Декадент, вынув из кармана зеркальце и гребешок, приводил в порядок прическу.

«Вот идиот! Точно не все равно, в каком он виде будет вылезать из собачьего вагона!»

– Что же теперь прикажете делать? – спросил поэт таким тоном, словно все, что происходило, было придумано самой Софьей Ивановной и вполне от нее зависело.

– Нужно постучать... Господи, как все это глупо!.. Рабочие... смеяться будут... Все равно, я не могу дольше ехать... Я измучилась!.. – И она горько заплакала.

К вагону подходили.

– Мало что не поспеть! Ты торопись. Сейчас тронется! – проворчал кто-то за дверью.

Софья Ивановна робко стукнула и вдруг, набравшись смелости, отчаянно забарабанила руками и ногами.

– Ах, подлецы! – закричал странно знакомый голос. – Не

выгрузивши свиней, отправлять вагон! Я вам покажу, меррр-
завцы! Отворить!

Засов с грохотом отодвинулся.

– Петин голос!.. Петя!.. Господи, помоги! Скажу, что на-
рочно к нему... Заждалась с обедом... беспокоилась... Боже
мой! Боже мой!

Тррах!.. Дверь открыта. Удивленные лица железнодорож-
ных служащих... вытаращенные глаза Петра Игнатьевича...

Она забыла все, что приготовилась сказать, и, напряженно
улыбаясь, со слезами на глазах, неожиданно для себя самой
пролепетала: «Пора обедать!»

– Спасибо за сюрприз, – мрачно ответил муж, помогая
ей слезть и пристально всматриваясь в темный угол ваго-
на, где, затаив дыхание, неподвижно замер бедный декадент.
Вдруг ноздри Петра Игнатьевича дрогнули, шея налилась
кровью...

– Пломбу! – скомандовал он, обращаясь к кондуктору, и,
собственноручно задвинув одним ударом сильной руки тя-
желую дверь вагона, надписал на ней мелом: «В Харьков, че-
рез Москву и Житомир».

– Готово!

Приложили пломбу. Кондуктор свистнул, вскакивая на
тормоз. Стукнули буфера, звякнули цепи, глухо зарокотали
колеса. Поезд тронулся...

О, никогда тебя он не забудет. Забытый путь!..